

В. М.
ДОРОШЕВИЧ

Избранное

Влас Михайлович Дорошевич Памяти А.Г. Рубинштейна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=652795

Аннотация

«В благодарность за те прекрасные часы моей жизни, которые я провел, слушая тебя, я хотел бы попытаться нарисовать твой гениальный образ, великий художник, – для тех, кто тебя не понимает... Рубинштейн не любил Одессы. Бывая здесь часто по родственным связям, он отказывался выступать перед одесской публикой...»

Содержание

***

4

Влас Михайлович

Дорошевич

Памяти А.Г. Рубинштейна¹²

* * *

В благодарность за те прекрасные часы моей жизни, которые я провел, слушая тебя, я хотел бы попытаться нарисовать твой гениальный образ, великий художник, – для тех, кто тебя не понимает...

Рубинштейн не любил Одессы.

Бывая здесь часто по родственным связям, он отказывался выступить перед одесской публикой.³

Этот человек, с Бетховенской головой, в которой было нечто львиное, привык к почестям.

Быть может, он требовал их у толпы не только для себя, но и за десятки гениальных музыкантов, которые жили и умерли, не видя никаких почестей.

Когда он входил и уходил с концерта, молодые девушки, ученицы консерватории, со слезами восторга на глазах, це-

---

³ Бывая здесь часто по родственным связям, он отказывался выступить перед одесской публикой. – В Одессе жили мать и сестры А.Г. Рубинштейна. Он выступал с концертами в Одессе в марте-апреле 1882 г.

ловали его руки.

В комнате для артистов никогда не раздавалось «Антон Григорьевич». Поклонники и поклонницы едва смели перешептываться, говоря:

– Наш волшебник... наш чародей...

Когда он выходил на эстраду, – после грома аплодисментов, должна была воцаряться благоговейная тишина.

Если кто-нибудь шепотом произносил слово, если шуршала афиша, или падал веер, – Рубинштейн устремлял на виновного один из тех взглядов, от которых хочется провалиться сквозь землю.

Когда на всероссийской выставке в Москве⁴ рядом с концертным залом где-то загудел гудок, – Рубинштейн положил палочку и скрестил по-наполеоновски руки, пока насмерть перепуганные распорядители кинулись унимать непочтительный гудок.

На юбилейном представлении «Демона» в московском Большом театре⁵, когда артист что-то не так сделал, Рубинштейн остановил оркестр.

Это было так тяжело, что бедные артисты готовы были уйти в землю.

Рубинштейн не любил одесской публики, и одесская пуб-

---

⁴ Когда на Всероссийской выставке в Москве... – Первая Всероссийская политехническая выставка в Москве открылась летом 1872 г.

⁵ На юбилейном представлении «Демона» в московском Большом театре... – Юбилейный (сотый) спектакль по опере А.Г. Рубинштейна «Демон» состоялся 1 октября 1884 г. в Мариинском театре в Петербурге.

лика платила ему тем же.

«Он горд был, не ужился с нами...»⁶

Но, милостивые государи, было два Рубинштейна, как в «Дворянском гнезде» было два Лемма.

Был Лемм, который «пил свой декокт», и был Лемм, который бросил на Лаврецкого орлиный взор, «повелительно указал ему на стул, отрывисто сказал по-русски: „садитесь и слушать“, сел за фортепиано, гордо и строго взглянул кругом и заиграл⁷.»

Всякий великий музыкант – это Лемм.

Было два Рубинштейна.

Славный старичок Антон Григорьевич, с добродушной улыбкой на впалых губах, который тихонько уходил из концерта «другим ходом» во избежание всяких оваций.

И был Рубинштейн с Бетховенской головой, орлиным взглядом, сверкавшим из-под бровей, который гордо и строго глядел кругом и касался клавишей рояля, – словно он при-

---

⁶ «Он горд был, не ужился с нами...» – цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Пророк» (1841).

⁷ ...как в «Дворянском гнезде» было два Лемма. Был Лемм, который «пил свой декокт», и был Лемм, который бросил на Лаврецкого орлиный взор, «повелительно указал ему на стул... и заиграл». – Лемм – персонаж романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо», старый учитель музыки, по происхождению немец, талантливый человек, судьба которого сложилась неудачно. Декокт – отвар из лекарственных растений. ...«повелительно указал ему на стул... и заиграл» – неточная цитата из романа.

касался к жертвеннику.

Он не был похож на артиста в эти минуты, – это был скорее пророк, говорящий слова божества.

Перед ним вставали тени Бетховена⁸, Гайдна⁹, Шумана¹⁰, он приходил сам в священный трепет и, взглядывая в толпу, смотрел только, коленопреклоненна ли она.

Да, это был пророк, готовый разбить о камень скрижали при виде суетной толпы, – легкомысленной даже тогда, когда она видит пред собой скрижали, на которых начертано Божественное откровение.

Для одесситов, этих веселых, легкомысленных поклонников «золотого тельца», которые смотрят на искусство только как на развлечение, – такой пророк был слишком суров.

Они пришли в театр поразвлечься. Им говорят, что это богослужение.

Отсюда взаимное отчуждение.

Рубинштейн негодовал. Его «не любили».¹¹

Словом:

«Он горд был, не ужился с нами!»

---

⁸ *Бетховен* Людвиг ван (1770—1827) – немецкий композитор.

⁹ *Гайдн* Йозеф (1732—1809) – австрийский композитор.

¹⁰ *Шуман* Роберт (1810—1856) – немецкий композитор.

¹¹ *Его «не любили»*. – В связи со смертью Рубинштейна в ноябре 1894 г. Дорошевич писал: «На юбилей города Одессы А.Г. Рубинштейн приглашения не получил. Опереточная примадонна г-жа Боэнс оказалась счастливее Антона Григорьевича Рубинштейна» («Одесский листок», 1894, No 289).

Вернее, его не поняли.

Антон Григорьевич уходил «другим ходом» от всяких выражений восторгов. Рубинштейн требовал преклонения пред искусством.

Он мог совершать свое жертвоприношение только пред коленопреклоненной толпой. Добродушный старичок превращался в сурового старца, когда он надевал свое жреческое одеянье.

Одесситы не отнеслись достаточно почтительно к жрецу, – и вот причина его гнева.

Одесситы виноваты были перед ним, тем больше оснований загладить свой грех пред его памятью.

Рубинштейновский вечер в Городском театре устраивается именно затем, чтобы увековечить память А.Г. Рубинштейна.

Есть несколько способов «увековечить» память.

Самый шаблонный, который сразу приходит всем в голову, – это «поставить бюст» или «укрепить портрет».

Это формальный, казенный способ чествования памяти.

Чаще всего, это лучший способ «отделаться от памяти»:

– «Прикрепили портрет», – кончено. Дело свое сделали!

Есть другой способ чтить память, – создать в честь великого человека живое дело, которое носило бы его имя.

Такой именно проект и создан в Одессе в одну из Рубинштейновских годовщин.

Постановлено было соорудить школу на месте того дома, где родился А.Г. Рубинштейн.

Каждый раз, когда строят новую школу, мир на один шаг становится ближе к свету и счастью.

Прекрасно, если сделать этот шаг нас заставляет память о великом человеке.

Какое прекрасное выражение такого прекрасного чувства.

Если так будут чтить память великих художников, – великие художники все больше и больше будут иметь право воскликнуть:

«Нет, весь я не умру...»¹²

Лучшее, что было в них, стремление к свету, будет жить в этих рассадниках света, которые носят их имя.

В пользу этой школы и устраивается в Городском театре Рубинштейновский вечер.

---

¹² «Нет, весь я не умру...» – цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (1836).